

Il s'est mis à souffler un vent froid et cinglant, des pluies se sont mises à tomber qui ne cessent ni le jour ni la nuit. À 18 verstes de l'IRTYCH, FIODOR PAVLOVITCH, le moujik auquel m'a confié mon cocher, me dit qu'on ne peut pas continuer, car les pluies ont inondé les prés en bordure de l'IRTYCH; hier KOUZMA est arrivé de POUSTYNSK et c'est tout juste s'il n'a pas noyé ses chevaux; il faut attendre.

— Et attendre jusqu'à quand? demandé-je.

— Tu n'as qu'à le demander au bon DIEU.

J'entre dans l'izba. Dans la salle est un vieillard en chemise rouge qui respire difficilement et tousse. Je lui donne de la poudre de DOVER, ce qui le soulage, mais il ne croit pas à la médecine et me dit qu'il se sent mieux parce qu'il a «gardé la chambre».

Je reste là à me demander si je passerai la nuit. C'est que le grand-père va sans doute tousser toute la nuit, qu'il y a des punaises et puis qui m'assure que demain la crue ne sera pas encore étendue? Non, mieux vaut reprendre la route!

Partons, FIODOR PAVLOVITCH! dis-je au patron. Je préfère ne pas attendre.

— C'est comme il vous plaira, acquiesce-t-il avec douceur. Pourvu seulement que nous ne passions pas la nuit dans l'eau.

— Nous partons. La pluie ne tombe pas, elle vous fouette, comme on dit, de toutes ses forces; or mes

Mais voici qu'un grand lac s'étale à nos yeux. Ce sont les prés inondés. Le vent s'y promène, grondant, en soulevant des risées. On distingue çà et là des îlots et des bandes de terre qui émergent encore. La direction de la route est marquée par les ponts et les pontons de bois détrempés, avachis et presque tous déplacés. Là-bas, au-delà du lac, on voit s'allonger la rive haute de l'IRTYCH, brunâtre et farouche, surplombée de lourds nuages gris; sur le rivage la neige lui çà et là.

Nous commençons notre route dans le lac. Il y a peu de fond, nos roues s'enfoncent seulement d'un pied. La route serait peut-être supportable s'il n'y avait les ponts. À leur approche il faut descendre du tarantas et entrer dans la boue ou dans l'eau; pour s'engager sur le pont il faut appuyer sur son bord saillant les planches et les poutres qu'on trouve dispersées sur les lieux. Nous conduisons les chevaux un par un. FIODOR PAVLOVITCH dételle les limoniers et me les fait tenir; je les retiens par leurs guides froides et crottées, or ils sont nerveux, reculent, le vent essaye de m'arracher mes vêtements, la pluie me fouette durement le visage. Ne devrions-nous pas revenir sur nos pas? Mais FIODOR PAVLOVITCH se tait, il attend vraisemblablement que je lui propose de faire demi-tour; je me tais également.

Nous prenons d'assaut un pont, un autre, ensuite un troisième... Ici nous nous sommes embourbés et

Μετά δέ τήν ΒΑΒΥΛΩΝΟΣ
αἶρεσιν ἐγένετο ἐπί Σκύρας
αυτοῦ ΔΑΡΕΙΟΥ ελασις·
ἀνθεύσης γάρ τῆς ἌΣΙΗΣ
ἀνδράσι καί χρημάτων μεγά-
λων συνιόντων, ἐπεθύμησε ὁ
ΔΑΡΕΙΟΣ τίσασθαι ΣΚΥΘΑΣ,
ὅτι ἐκεῖνοι πρότεροι ἐσβαλό-
ντες ἐς τήν ΜΗΔΙΚΗΝ καί
νικήσαντες μάχῃ τους ἀντι-
ουμένους υπήρξαν ἀδικίης.
Τῆς γάρ ἀνω ἌΣΙΗΣ ἐρξαν,
ὡς καί πρότερον μοι εἰρηται,
ΣΚΥΘΑΙ ετεα δυῶν δέοντα
τριήκοντα. ΚΙΜΜΕΡΙΟΥΣ
γάρ ἐπιδιώκοντες ἐσέβαλον
ἐς τήν ἌΣΙΗΝ, καταπαύσα-
ντες τῆς ἀρχῆς ΜΗΔΟΥΣ·
οἱτοὶ γάρ πρὶν ἢ ΣΚΥΘΑΣ

Τους δέ ΣΚΥΘΑΣ ἀποδημήσαν-
τας όκτυ καί εικοσι ετεα καί
διά χρόνου τοσοούτου κατιό-
ντας ές τήν σφετέρην έξειδέ-
ξατο ουκ έλάσσων πόνος τού
ΜΗΔΙΚΟΥ· ευρον γάρ άντι-
ουμένην σφίσι στρατιήν ουκ
όλίγην. Αί γάρ τών ΣΚΥΘΕΩΝ
γυναικες, ώς σφι οί ανδρες
άπήσαν χρόνον πολλόν, έφοί-
τεον παρά τους δούλους.
Τους δέ δούλους οί ΣΚΥΘΑΙ
πάντας τυφλούσι τού γάλα-
κτος εϊνεκεν τού πίνουσι
ποιεύντες ώδε. Έπεάν φυση-
τήρας λάβωσι όστεϊνους
αυλοισι προσεμφερεστάτους,
τούτους έσθέντες ές τών
θηλέων ιππων τά αρθρα

5 июля 1890 г. я прибыл на пароходе в г. Николаевск, один из самых восточных пунктов нашего отечества. Амур здесь очень широк, до моря осталось только 27 верст; место величественное и красивое, но воспоминания о прошлом этого края, рассказы спутников о лютой зиме и о не менее лютых местных нравах, близость каторги и самый вид заброшенного, вымирающего города совершенно отнимают охоту любоваться пейзажем.

Николаевск был основан не так давно, в 1850 г., известным Геннадием Невельским, и это едва ли не единственное светлое место в истории города. В пятидесятые и шестидесятые годы, когда по Амuru, не щадя солдат, арестантов и переселенцев, насаждали культуру, в Николаевске имели свое пребывание чиновники, управлявшие краем, наезжало сюда много всяких русских и иностранных авантюристов, селились поселенцы, прельщаемые необычайным изобилием рыбы и зверя, и, по-видимому, город не был чужд человеческих интересов, так как был даже случай, что один заезжий ученый нашел нужным и возможным прочесть здесь в клубе публичную лекцию. Теперь же почти половина домов покинута своими хозяевами, полуразрушена, и темные окна без рам глядят на вас, как глазные впадины черепа. Обыватели ведут сонную, пьяную жизнь и вообще живут впроголодь, чем бог послал. Пробавляются поставками рыбы на Сахалин, золотым хищничеством, эксплуатацией инородцев, продажей понтов, то есть оленьих рогов, из которых китайцы приготавливают возбуждающие пилюли. На пути от Хабаровки до Николаевска мне приходилось встречать немало контрабандистов; здесь они не скрывают своей профессии. Один из них, показывавший мне

Разве взять и поехать на “Байкал”? Но неловко: пожалуй, не пустят, – скажут, рано. Подул ветер, Амур нахмурился и заволновался, как море. Становится тоскливо. Иду в собрание, долго обедаю там и слушаю, как за соседним столом говорят о золоте, о понтах, о фокуснике, приехавшем в Николаевск, о каком-то японце, дергающем зубы не щипцами, а просто пальцами. Если внимательно и долго прислушиваться, то, боже мой, как далека здешняя жизнь от России! Начиная с балыка из кеты, которым закусывают здесь водку, и кончая разговорами, во всем чувствуется что-то свое собственное, не русское. Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то в Патагонии или Техасе; не говоря уже об оригинальной, не русской природе, мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна и мы, приехавшие из России, кажемся иностранцами. В отношении религиозном и политическом я замечал здесь полнейшее равнодушие. Священники, которых я видел на Амуре, едят в пост скоромное, и, между прочим, про одного из них, в белом шелковом кафтане, мне рассказывали, что он занимается золотым хищничеством, соперничая со своими духовными чадами. Если хотите заставить амурца скучать и зевать, то заговорите с ним о политике, о русском правительстве, о русском искусстве. И нравственность здесь какая-то особенная, не наша. Рыцарское обращение с женщиной возводится почти в культ и в то же время не считается предосудительным уступить за деньги приятелю свою жену; или вот еще лучше: с одной стороны, отсутствие сословных предрассудков – здесь и с ссыльным держат себя,